

Антон Павлович Чехов
ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК
святочный рассказ

В ночь под Рождество Ефим Фомич Перекладин лёг спать обиженный и даже оскорблённый.

— Отвяжись ты, нечистая сила____ - рявкнул он со злобой на жену___ **когда** та спросила, отчего он такой хмурый.

Дело в том____ **что** он только что вернулся из гостей____ **где** сказано было много неприятных и обидных для него вещей. Сначала заговорили о пользе образования вообще, потом же незаметно перешли к образовательному цензу служащей братии, причем было высказано много сожалений, упреков и даже насмешек по поводу низкого уровня. И тут, как это водится во всех российских компаниях, с общих материй перешли к личностям.

— Взять____ **например**____хоть вас, Ефим Фомич, — обратился к Перекладину один юноша. — Вы занимаете приличное место... **а какое** образование вы получили____

— Никакого-с. Да у нас образование и не требуется, — кротко ответил Перекладин.

— Пиши правильно, вот и всё...

— Где же это вы правильно писать-то научились____

— Привык-с... За сорок лет службы можно руку набить-с... Оно, конечно, спервоначалу трудно было, делывал ошибки, но потом привык-с... и ничего...

— А знаки препинания?

— И знаки препинания ничего... Правильно ставлю.

— Гм!.. — сконфузился юноша. — Но привычка совсем не то____**что** образование. Мало того____ **что** вы знаки

Antons Čehovs.
IZSAUKUMA ZĪME
Ziemsvetku stāsts

Ziemsvētku naktī kolēģijas sekretārs Jefims Fomičs Perekladins apgulās aizskarts un pat apvainots.

— Liecies mierā tu, nešķīstene! — viņš nikni uzrēca sievai, kad tā jautāja, kāpēc viņš tāds sadrūmis.

Lieta tā, ka viņš tikko bija atgriezies no viesībām, kur dzirdējis daudz nepatīkamu un aizskarošu vārdu. Sākumā tika apspriests izglītības noderīgums vispār, bet tad nemanot pārgāja uz ierēdņu izglītības cenzu, tur- klāt izsakot daudz nožēlas, pārmetumu un pat zobgalību par zemo līmeni. Un tad, kā pieņemts visās krievu kompānijās, no vispārējiem jautājumiem pārgāja uz personībām.

— Ņemsim, piemēram, kaut vai jūs, Jefim Fomič, — kāds jauneklis pievērsās Perekladinam. — Jums ir pieklājīga vieta... bet kādu izglītību esat baudījis?

— N-nekādu. Pie mums izglītība arī nav vajadzīga, — Perekladins kautri atbildēja.

— Jāraksta pareizi, tas ir viss...

— Kur tad jūs iemācījāties pareizi rakstīt?

— Pieradu... Četrdesmit darba gados var ievingrināt roku... Pašā sākumā, protams, bija grūti, pielaidu kļūdas, bet tad pieradu… un nekas...

— Bet pieturas zīmes?

— Ar pieturas zīmēm arī nekas... Salieku pareizi.

— Hm! … — jauneklis apmulsa. — Taču pieradums nepavisam nav tas, kas izglītība. Ar to nepietiek, ja jūs liekat pareizi pieturas

LIVEWORKSHEETS

препинания правильно ставите... мало-с! Нужно сознательно ставить____ Вы ставите запятую и должны сознавать, для чего ее ставите... да-с! А это ваше бессознательное... рефлекторное правописание и гроша не стоит. Это машинное производство и больше ничего.

zīmes ... nepietiek! Jāliek apzināti! Jūs liekat komatu, un jums jāsaprot, kāpēc to liekat… j-jā! Bet šī jūsu neapzinātā… refleksīvā pareizrakstība nav graša vērta. Tā ir mašīnas produkcija un vairāk nekas.

Перекладин смолчал и даже кротко улыбнулся (юноша был сын статского советника и сам имел право на чин X класса), но теперь, ложась спать, он весь обратился в негодование и злобу____

Perekladins noklusēja un pat lēnā garā pasmaidīja (jauneklis bija valsts padomnieka dēls, un viņam pašam bija tiesība uz desmitās šķiras pakāpi), taču tagad, liekoties gulēt, viņā eksplodēja viss sašutums un niknums.

«Сорок лет служил, — думал он, — и никто меня дураком не назвал, а тут, поди ты____ **какие** критики нашлись! „Бессознательно!.. Лефректорно! Машинное производство“... Ах, ты, чёрт тебя возьми____ Да я еще, может быть, больше тебя понимаю, даром что в твоих университетах не был!»

«Četrdesmit gadu esmu nokalpojis,» viņš domāja, «un neviens mani nav nosaucis par muļķi, bet, re, nu, kādi kritiķi atradušies! Lefreksīvi! Mašīnas produkcija …» Ak tu velns tevi rāvis! Es varbūt vairāk par tevi saprotu, kaut arī tavās universitātēs neesmu bijis!»

Излив мысленно по адресу критика все известные ему ругательства и согревшись под одеялом, Перекладин стал успокаиваться.

Domās izgāzis pret kritiķi visas viņam zināmās lamas un zem segas sasildījies, Perekladins sāka nomierināties.

«Я знаю... понимаю... — думал он, засыпая. — Не поставлю там двоеточия, где запятую нужно, стало быть, сознаю, понимаю. Да... Так-то, молодой человек... Сначала пожить нужно, послужить____ **а** потом уж стариков судить...»

«Es zinu ... saprotu ...» viņš aizmiegot domāja. «Ja neielieku kolonu tur, kur vajadzīgs komats, tātad apzinos, saprotu. Jā … Tā tas ir, jaunais cilvēk … Sākumā jāpadzīvo, jāpastrādā, un tad var tiesāt vecus vīrus …»

В закрытых глазах засыпавшего Перекладина сквозь толпу темных, улыбавшихся облаков метеором пролетела огненная **запятая.** За ней **другая**____ **третья,** и скоро весь безграничный темный фон, расстилавшийся перед его воображением, покрылся густыми толпами летавших запятых...

Miegā slīgstošā Perekladina aizvērtajās acīs cauri tumšu, smaidošu mākoņu blīvai kā meteors aiztrauca ugunīgs komats. Aiz tā otrs, trešais, un drīz vien visu bezgalīgo, tumšo fonu, kas izpletās viņa iztēlē, pārklāja biezi lidojošu komatu bari…

«Хоть эти запятые взять... — думал Перекладин, чувствуя, как его члены сладко немеют от наступавшего сна. — Я

Ņemsim kaut vai šos komatus ...» domāja Perekladins, juzdams, kā viņa locekļi saldi atslābst snaudā. «Es komatus lieliski

LIVEWORKSHEETS

их отлично понимаю... Для каждой могу место найти____ **если** хочешь... и... и сознательно____ **а** не зря... Экзаменуй, и увидишь... Запятые ставятся в разных местах____ **где** надо____ **где** и не надо. **Чем** путаннее бумага выходит____ **тем** больше запятых нужно. Ставятся они перед „который“ и перед „что“. **Если** в бумаге перечислять чиновников____ **то** каждого из них надо запятой отделять... Знаю!»

Золотые запятые завертелись и унеслись в сторону. На их место прилетели огненные точки...

«А точка в конце бумаги ставится... Где нужно большую передышку сделать и на слушателя взглянуть, там тоже точка. После всех длинных мест нужно точку____ **чтоб** секретарь____ **когда** будет читать, слюной не истек. Больше же нигде точка не ставится...»

Опять налетают запятые... Они смещаются с точками, кружатся — и Перекладин видит целое сонмище точек с запятой и двоеточий...

«И этих знаю... — думает он. — Где запятой мало____ **а** точки много, там надо точку с запятой. Перед „но“ и „следственно“ всегда ставлю точку с запятой... Ну-с, а двоеточие(:)? Двоеточие(:) ставится после слов „постановили:“, „решили:“...»

Точки с запятой и двоеточия потухли. Наступила очередь вопросительных знаков. Эти выскочили из облаков и заканканировали…

«Эка невидаль: знак вопросительный! Да хоть тысяча их, всем место найду. Ставятся они всегда____ **когда** запрос нужно делать или, положим, о бумаге справиться... „Куда отнесен остаток сумм за такой-то год?“ или — „Не найдет ли Полицейское управление возможным оную Иванову и проч.?“...»

saprotu... Katram varu atrast vietu, ja gribat… arī... arī apzināti, nevis no zila gaisa ... Eksaminējiet, un tad jūs redzēsiet... Komatus liek dažādās vietās, kur vajag, kur arī nevajag. Jo sarežģītāks raksts, jo vairāk komatu vajadzīgs. Tos liek pirms «kurš» un pirms «kas». Ja rakstā uzskaitīti ierēdņi, katrs jāatdala ar komatu … To es zinu!»

Zelta komati sāka riņķot un aizbrāzās prom. Tagad atlidoja ugunīgi punkti ...

«Punktu liek raksta beigās... Kur stipri jāatņem elpa un jāpaveras klausītājos, tur arī punkts. Pēc visām garajam vietām vajadzīgs punkts, lai sekretāram lasot neplūstu tik daudz siekalu. Vairāk gan nekur punkts nav jāliek …»

Atkal atlido komati... Tie sajaucas ar punktiem, virpuļo — un Perekladins redz veselu baru semikolonu un kolonu…

«Ari šos pazīstu ...» viņš domā. «Kur ar komatu par maz, bet ar punktu par daudz, tur jāliek semikolons. Pirms «bet» un «tātad» vienmēr lieku semikolonu ... Nu, un kolonu? Kolonu liek pēc vārdiem «nolēma», «nosprieda»…»

Semikoloni un koloni izdzisa. Nāca jautājuma zīmju kārta. Šīs zīmes izlēca no mākoņiem un sāka dejot kankānu,..

«Tad tā brīnums: jautājuma zīme! Kaut to būtu vesels tūkstotis, visām atradīšu vietu. Tās liek aizvien, kad jāiesniedz pieprasījums vai, teiksim, jāapjautājas: «Kur likts summas pārpalikums par tādu un tādu gadu?» — vai arī: «Vai Policijas pārvalde neatzīs par iespējamu šo Ivanovu un tā tālāk?..»»

LIVEWORKSHEETS

Вопросительные знаки одобрительно закивали своими крючками и моментально, словно по команде, вытянулись в знаки восклицательные...

«Гм!.. Этот знак препинания в письмах часто ставится. „Милостивый государь мой!“ или „Ваше превосходительство, отец и благодетель!..“ А в бумагах когда?»

Восклицательные знаки еще больше вытянулись и остановились в ожидании...

«В бумагах они ставятся____ **когда**... того... этого... как его? Гм!.. В самом деле____ **когда** же их в бумагах ставят? Постой... дай бог память... Гм!..»

Перекладин открыл глаза и повернулся на другой бок. Но не успел он вновь закрыть глаза, как на темном фоне опять появились восклицательные знаки.

«Чёрт их возьми... Когда же их ставить нужно? — подумал он, стараясь выгнать из своего воображения непрошенных гостей. — Неужели забыл____ Или забыл, или же... никогда их не ставил...»

Перекладин стал припоминать содержание всех бумаг, которые он написал за сорок лет своего служения; но как он ни думал, как ни морщил лоб, в своем прошлом он не нашел ни одного восклицательного знака.

«Что за оказия! Сорок лет писал и ни разу восклицательного знака не поставил... Гм____.. Но когда же он, чёрт длинный, ставится?»

Из-за ряда огненных восклицательных знаков показалась ехидно смеющаяся рожа юноши-критика. Сами знаки улыбнулись и слились в один большой восклицательный знак.

Перекладин встряхнул головой и открыл глаза.

«Чёрт знает что... — подумал он. — Завтра к утрени вставать надо, а у меня это

Jautājuma zīmes piekrizdamas sāka māt ar saviem āķiem un vienā mirklī, it kā pēc komandas, izstiepās izsaukuma zīmēs …

«Hm! … Šo pieturas zīmi bieži vien liek vēstulēs. «Mans cienījamais kungs!» Vai arī «Jūsu ekselence, tēvs un labvēli! …». Bet kad liek rakstos?»

Izsaukuma zīmes izstiepās vēl vairāk un nogaidoši apstājās…«Rakstos tās liek, kad … kā būs teikt… kā sacīt jāsaka … Kad gan? Hm! … Patiešām, kad tad tās liek rakstos? Pag … dievs, palīdzi atcerēties … Hm! .. .»

Perekladins atvēra acis un apgriezās uz otriem sāniem. Taču viņš nepaguva no jauna aizdarīt acis, kad uz tumšā fona atkal parādījās izsaukuma zīmes.

«Piķis tās rāvis … Kad tad tās jāliek?» viņš domāja, cenzdamies aizdzīt nelūgtos viesus no savas iztēles «Vai tiešām esmu aizmirsis? Vai nu aizmirsis, vai arī… nekad neesmu tās licis …»

Perekladins sāka atcerēties visu to papīru saturu, ko bija uzrakstījis savas darbības četrdesmit gados; bet, lai kā viņš domāja, lai kā rauca pieri, viņš neatrada savā pagātnē nevienas izsaukuma zīmes.

«Kas par joku! Četrdesmit gadu esmu rakstījis un ne reizes neesmu licis izsaukuma zīmi… Hm!... Bet kad tad to garo velna mātīti liek?»

Aiz ugunīgo izsaukuma zīmju virknes pavīdēja dzēlīgi ņirdzīgais jaunā kritiķa ģīmis. Arī zīmes pasmīnēja un saplūda lielā izsaukuma zīmē.

Perekladins nopurināja galvu un atvēra acis.

«Jupis sazin kas...» viņš nodomāja. «Rīt jāceļas uz agro dievkalpojumu, bet man šī

LIVEWORKSHEETS

чертобесие из головы не выходит... Тьфу____ Но... когда же он ставится? Вот тебе и привычка! Вот тебе и набил руку! За сорок лет ни одного восклицательного знака____ Как так____»

Перекладин перекрестился и закрыл глаза, но тотчас же открыл их; на темном фоне всё еще стоял большой знак...

«Тьфу! Этак всю ночь не уснешь». — Марфуша____ — обратился он к своей жене____ **которая** часто хвасталась тем____ **что** кончила курс в пансионе. — Ты не знаешь ли, душенька, когда в бумагах ставится восклицательный знак____

— Еще бы не знать! Недаром в пансионе семь лет училась. Наизусть всю грамматику помню. Этот знак ставится при обращениях, восклицаниях и при выражениях восторга, негодования, радости, гнева и прочих чувств.

«Тэк-с... — подумал Перекладин. — **Восторг____ негодование____ радость-____ гнев и** прочие **чувств**а...»

Коллежский секретарь задумался... Сорок лет писал он бумаги, написал он их тысячи, десятки тысяч, но не помнит ни одной строки____ **которая** выражала бы восторг, негодование или что-нибудь в этом роде...

«И прочие чувства... — думал он. — Да нешто в бумагах нужны чувства? Их и бесчувственный писать может...»

Рожа юноши-критика опять выглянула из-за огненного знака и ехидно улыбнулась. Перекладин поднялся и сел на кровати. Голова его болела, на лбу выступил холодный пот... В углу ласково теплилась лампадка, мебель глядела празднично, чистенько, от всего так и веяло теплом и присутствием женской руки, но бедному чинуше было холодно, неуютно, точно он заболел тифом. Знак восклицательный стоял уже не в закрытых глазах, а перед

velnišķība neiziet no galvas... Tpi tu! Tomēr … kad tad to liek? Te tev nu bija paradums! Te tev nu bija rokas ievingrināšana! Četrdesmit gadu laikā nevienas izsaukuma zīmes! Kā tā?»

Perekladins pārmeta krustu un aiztaisīja acis, bet tūdaļ tās atvēra: tumšajā fonā vēl arvien stāvēja lielā zīme…

«Tpi tu! Tā jau visu nakti nevarēs aizmigt.» — Marfuša! — viņš pievērsās savai sievai, kas bieži lielījās ar to, ka beigusi kursu pansionātā. — Vai tu, sirsniņ, nezini, kad rakstos liek izsaukuma zīmi?

— Kā lai nezinātu! Ne jau velti septiņus gadus pansionātā mācījos. Visu gramatiku no galvas atceros. Šo zīmi liek uzrunājot, izsaucoties, izpaužot sajūsmu, sašutumu, prieku, dusmas un citas jūtas…

«T-tā…» Perekladins apsvēra. «Sajūsma, sašutums, prieks, dusmas un citas jūtas …»

Kolēģijas sekretārs nogrima domās... Četrdesmit gadu viņš bija rakstījis papīrus, rakstījis tūkstošus, desmitiem tūkstošu, bet neatceras nevienu rindu, kas izteiktu sajūsmu, sašutumu vai kaut ko līdzīgu…

«Un citas jūtas …» viņš domāja. «Bet vai tad papīros vajadzīgas jūtas? Tos var rakstīt arī bezjūtīgs cilvēks …»

Jaunā kritiķa ģīmis atkal parādījās aiz ugunīgās zīmes un dzēlīgi pasmīnēja. Perekladins piecēlās un atsēdās uz gultas. Galva viņam sāpēja, pieri klāja auksti sviedri... Kaktā mīlīgi dega lampada, mēbeles lūkojās svinīgi, spodri, no visa tā vien dvesa siltums un sievišķīgs maigums, bet nabaga ierēdnītim bija salti, neomulīgi, it kā viņš būtu sasirdzis ar tīfu. Izsaukuma zīme nestāvēja vairs aizvērtu acu priekšā, bet tepat

LIVEWORKSHEETS

ним, в комнате, около женина туалета и насмешливо мигал ему…

— Пишущая машина! Машина! — шептало привидение, дуя на чиновника сухим холодом. — Деревяшка бесчувственная!

Чиновник укрылся одеялом, но и под одеялом он увидел привидение, прильнул лицом к женину плечу и из-за плеча торчало то же самое... Всю ночь промучился бедный Перекладин____ **но** и днем не оставило его привидение. Он видел его всюду____ **в** надеваемых **сапогах**, **в блюдечке** с чаем, **в Станиславе**...

«И прочие чувства... — думал он. — Это правда____ **что** никаких чувств не было... Пойду сейчас к начальству расписываться... а разве это с чувствами делается? Так, зря... Поздравительная машина»...

Когда Перекладин вышел на улицу и крикнул извозчика____ **то** ему показалось____ **что** вместо извозчика подкатил восклицательный знак.

Придя в переднюю начальника, он вместо швейцара увидел тот же знак... И всё это говорило ему о восторге, негодовании, гневе... Ручка с пером тоже глядела восклицательным знаком. Перекладин взял ее, обмакнул перо в чернила в расписался:

«Коллежский секретарь Ефим Перекладин!!!»

И, ставя эти три знака, он **восторгался**____ **негодовал**____ **радовался**____ **кипел** гневом.

— На тебе! На тебе! — бормотал он, надавливая на перо.

Огненный знак удовлетворился и исчез.

istabā, sievas tualetes galdiņa tuvumā, un zobgalīgi mirkšķināja viņam …

«Rakstāmmašīna! Mašīna!» parādība čukstēja, uzpūzdama ierēdnim asu saltumu. «Nejūtīgā koka dvēsele!»

Ierēdnis apsedzās ar segu, bet arī zem segas vēl redzēja parādību; piekļāvās ar seju pie sievas pleca, taču arī aiz pleca rēgojās tas pats . . . Visu nakti nomocījās nabaga Perekladins, tomēr parādība viņu nepameta arī dienā. Viņš redzēja to visur: kājā velkamos zābakos, apakštasītē ar tēju, Staņislavā…

«Un citas jūtas . . .» viņš domāja. «Tas tiesa, ka nekādu jūtu nav bijis .

. . Iešu tūlīt pie priekšniecības parakstīties … bet vai tad to dara ar jūtām? Tāpat vien, aiz tukšas parašas … Apsveikšanas mašīna …»

Kad Perekladins izgāja uz ielas un pasauca važoni, viņam šķita, ka piebrauc nevis važonis, bet izsaukuma zīme.

Iegājis priekšnieka priekšnamā, viņš ieraudzīja nevis šveicaru, bet to pašu zīmi . . . Un tas viss viņam vēstīja par sajūsmu, sašutumu, dusmām . . . Spalvaskāts ar spalvu arī lūkojās kā izsaukuma zīme. Perekladins paņēma to, iemērca spalvu tintē un parakstījās:

«Kolēģijas sekretārs Jefims Perekladins!!!»

Un, uzvilcis šīs trīs zīmes, viņš sajūsminājās, sašuta, priecājās, verda dusmās.

— Še tev! Še tev! — viņš murmināja, spiezdams spalvu.

Ugunīgā zīme apmierinājās un izgaisa.

LIVEWORKSHEETS